

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-110

EDN IJWNWV

**Эволюция образа высокородной девицы в русской трагедии:
от Сумарокова к Пушкину**

Анастасия Владимировна Семенова

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Казахстан-
ский филиал), г. Астана

anastasia_semenova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

Аннотация. В статье рассматриваются женские персонажи – Ксении Шуйской, царевен Флавии и Ксении Годуновой – в трагедиях А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и А. С. Пушкина, соответственно, сопоставляются их функции в произведениях. Второстепенные (у Сумарокова и Хераскова) и эпизодический (у Пушкина) персонажи имеют пересечения: влюбленность и потеря или угроза потери возлюбленного по вине отца, преданность родителю и переживание его вероятной или действительной гибели; способствуют раскрытию характеров правителей. Дочь Шуйского и обе царевны демонстрируют сильную волю, стойко переносят несчастья, каждая хранит верность жениху и отцу (у Хераскова на этом строится внутренний конфликт героини). Флавия и обе Ксении – наиболее близкие царям женщины в произведениях, взаимодействие с ними Димитрия, Борислава и Бориса добавляет образам царей определенные черты. Все девушки переживают мятеж в столице, жертвами которого могут стать, хотя по разным причинам: Димитрий жаждет смерти Ксении – так он отомстит предателям Шуйскому и Георгию; Флавию готов погубить отец, чтобы не допустить «торжества изменницы»; Ксения становится свидетельницей гибели родных и заложницей нового правителя. Девушки в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина имеют общие черты характера, в определенный момент жизни каждой происходят близкие по типу события, так что персонажи приобретают сходство, что позволяет говорить о некой литературной традиции в создании образа высокородной девицы, которой следовал А. С. Пушкин.

Ключевые слова: А. П. Сумароков; М. М. Херасков; А. С. Пушкин; «Димитрий Самозванец»; «Борислав»; «Борис Годунов»; трагедия; царевна; Ксения; Флавия; тиран

Для цитирования: Семенова А. В. Эволюция образа высокородной девицы в русской трагедии: от Сумарокова к Пушкину // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 110–123. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-110>. <https://elibrary.ru/IJWNWV>.

Original article

Evolution of the highborn maiden's image in russian tragedy: from Sumarokov to Pushkin

Anastasia V. Semenova

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of philology,
Moscow State University of the Lomonosov (Kazakh branch), Astana
anastasia_semenova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

Abstract. The article examines the female characters – Ksenia Shuiskaya, tsarevnas Flavia and Ksenia Godunova – in the tragedies by A. P. Sumarokov, M. M. Kheraskov and A. S. Pushkin, respectively, and compares their functions in the works. Secondary characters (in Sumarokov and Kheraskov's works) and episodic ones (in Pushkin's work) have something in common: falling in love and losing or the threat of losing the beloved through the father's fault, devotion to the parent and suffering from his probable or actual death; they contribute to revealing the characters of the rulers. Shuisky's daughter and both tsarevnas demonstrate a strong will, endure misfortunes, and each keeps loyalty to her fiancé and father (in Kheraskov, this is the basis for the heroine's inner conflict). Flavia and both Xenias are the women closest to the tsars in the works; their interaction with Demetrius, Borislav and Boris adds certain features to the images of the tsars. All the girls are experiencing a rebellion in the capital, whose victims they may become, although for different reasons: Demetrius longs for Ksenia's death to take revenge on the traitors Shuisky and Georgy; Flavia's father wants to destroy her in order to prevent the “triumph of the traitor”; Ksenia becomes a witness to the death of her relatives and a hostage of the new ruler. The girls in the tragedies by Sumarokov, Kheraskov and Pushkin have common character traits; at a certain point in their lives, each of them experiences similar events, so the characters acquire similarities, which suggests a certain literary tradition in creating the image of a highborn maiden, which A. S. Pushkin followed.

Key words: A. P. Sumarokov; M. M. Kheraskov; A. S. Pushkin; “Demetrius the Impostor”; “Borislav”; “Boris Godunov”; tragedy; tsarevna; Xenia; Flavia; tyrant

For citation: Semyonova A. V. Evolution of the highborn maiden's image in Russian tragedy: from Sumarokov to Pushkin. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 110–123. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-110>. <https://elibrary.ru/IJWNWV>.

Введение

Трагедия М. М. Хераскова «Борислав» (1774) мало исследована: сравнительно подробно текст комментируется в работах А. В. Западова [Западов, 1961] и Л. М. Пастушенко [Пастушенко, 1974], упоминается среди драматических произведений автора [Кулакова,

1947]. Между тем заслуживают внимания пересечения «Борислава» с трагедиями на схожие темы. Помимо «Димитрия Самозванца» (1771) А. П. Сумарокова, с которым чаще всего связывают трагедию Хераскова (на первом плане образ тирана), можно говорить о ее перекличке с «Борисом Годуно-

вым» (1825) А. С. Пушкина. Трагедии Пушкина посвящено много работ, в том числе комментирующих ее литературные и исторические источники, достаточно упомянуть исследования А. Г. Филонова [Филонов, 1899], Д. Д. Благого [Благой, 1950], Б. П. Городецкого [Городецкий, 1953], В. И. Коровина [Коровин, 1995; Коровин, 2002], Л. М. Лотмана [Лотман, 1996], О. Г. Винокура [Винокур, 1999], И. З. Сермана [Серман, 1969], Ю. В. Стенника [Стенник, 1995] и другие. «Бориса Годунова» чаще всего сопоставляют с трагедиями А. П. Сумарокова и У. Шекспира, Ф. Д. Батюшков говорит о связи с Расином [Батюшков, 1900], однако в известных нам работах пушкинский текст не сравнивают с «Бориславом» Хераскова. Нами были исследованы пересечения в трагедиях Хераскова и Пушкина, сходства и различия главных героев и принципы создания образов персонажей [Семенова, 2022]. Помимо Борислава и Бориса, а

также Дмитрия Самозванца (все трое тираны), в трагедиях интересны женские образы – Ксения Шуйская, царевны Флавия и Ксения Годунова. Сравнительный и отчасти сравнительно-исторический анализ текстов позволяют установить определенное сходство женских персонажей и связанных с ними событий в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина.

**Флавия и две Ксении:
сходные места в трагедиях
«Дмитрий Самозванец»,
«Борислав» и «Борис Годунов»**

В трагедии Сумарокова Ксения Шуйская – один из значимых персонажей: девушка находится в центре традиционного классицистического любовного треугольника и вместе с тем невольно замешана в интригах отца-царедворца. Дмитрий испытывает к Ксении мучительную страсть и готов отравить супругу-римлянку, чтобы взять в жены дочь Шуйского:

Так я не кроюсь. Могу прервати брак,
И тайный яд мою жену пошлет во мрак

[Сумароков, 1957, с. 430].

Царя не останавливает и то, что у Ксении есть жених – князь Георгий Галицкий, которому девушка искренне благоволит. Отец уговаривает дочь притвориться покорной воле царя, изобразить влюблен-

ность и якобы отречься от Георгия, как того требует Дмитрий – это позволит Шуйскому потянуть время и собрать сторонников для свержения неугодного монарха:

Обманывай его, притворствуй сколько лъзя,
Надежду подавай, в нем сердце распаляя
И варварство его любовью утоляя,
Во воздыхание преобращая гнев

[Сумароков, 1957, с. 436–437].

Димитрий требует от Ксении подчинения и отречения от Георг-

гия, в противном случае девушку и ее возлюбленного ждет расправа:

А став супругой мне, судьбой определенной,
Послушна буди, дочь монарха всей вселенной,
И, мне покорствуя, любви моей ищи...
А ежели не так, страшись и трепещи!

[Сумароков, 1957, с. 457].

Ксения оказывается в крайне сложном положении: с одной стороны, ее долг – подчиняться отцу и способствовать его обману, а с другой – девушка не готова изменять

Георгию даже на словах и намерена хранить ему верность в жизни и смерти, несмотря на угрозы Димитрия:

Я честность верности до гроба сохраняю.
Или ты должности родительской не внемлешь,
Что мя соделати неверной предприемлешь?
Всё тщетно, как бы ты меня ни увещал

[Сумароков, 1957, с. 435].

Димитрий патологически подозрителен, надежда на то, что брак с Ксенией обеспечит ему лояльность Шуйского, призрачна, тиран не доверяет мнимым сторонникам и, убедившись в их измене, намерен убить Ксению, чтобы отомстить, раз уж не может покарать всех вокруг, однако Пармен вырывает девушку из рук царя, и ему остается погубить лишь себя.

Флавия в «Бориславе» – персонаж достаточно заметный, именно ее любовь к Пренесту и возможное замужество становятся отправной точной конфликта. Девушка, как подобает трагической героине, испытывает муки выбора между отцом и женихом, поскольку любит обоих, но не способна примирить их. По мере развития действия ситуация усложняется, царевне грозят сначала немилость, затем гнев отца и наконец смерть от его руки, к

этому добавляется нужда отречься от возлюбленного, чтобы спасти его. Непростое решение: бежать с Пренестом или остаться с окончательно утратившим здравомыслие отцом во время мятежа в столице – важно для развязки трагедии: верность Флавии и добродетель Пренеста заставляют тирана одуматься, раскаяться в своих заблуждениях и отречься от престола в пользу детей (в первой редакции финал не столь оптимистичный: Борислав принимает яд и умирает, не изменив своего мнения о близких, сведения об этом содержатся в книге «История русской драматургии» со ссылкой на «Драматический словарь» [Драматический словарь, 1787, с. 27]; мы ссылаемся на версию «Борислава», вошедшую в состав «Российского феатра» [Херасков, 1786], поскольку она стала известна читателям ранее).

Ксения Годунова в трагедии Пушкина появляется в одной сцене, однако этого достаточно, чтобы составить мнение о героине. Де-

вушка печальна, скорбит о гибели жениха и намеревается хранить ему верность, о чем прямо говорит своей мамке:

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна

[Пушкин, 1960, с. 242].

Лаконичный образ Ксении в трагедии достраивается за счет известных фактов биографии царевны. Внучка Малюты Скуратова отличалась красотой и статью, была умна, талантлива (пела и музицировала, занималась рукоделием) и хорошо образованна (отец пригласил преподавателей из Европы, и Ксения Борисовна обучалась «семи премудростям» вместе с братом Феодором, что большая редкость для того времени), имела сильный характер, не сетовала на горькую судьбу, хотя претерпела множество лишений. Борис любил дочь и неоднократно предпринимал попытки устроить политически выгодный, но в то же время счастливый брак дочери, однако на этом поприще его преследовали неудачи. По разным причинам не состоялись или расстроились помолвки со шведским принцем Густавом, австрийским эрцгерцогом Максимилианом, грузинским царевичем Хозроем, герцогом Шлезвигским Филиппом и боярином Басмановым. Наиболее вероятен и желателен был брак с братом датского короля Христиана IV принцем Иоганном Шлезвиг-Гольштейнским. Молодой принц,

красивый, богатый, умный и благородный, приглянулся родителям Ксении и самой царевне, согласился на все брачные условия (переехать в Московское государство, принять русские обычаи и т. д.), так что свадьба казалась делом решенным. Едва ли Ксения и Иоганн встречались – традиции запрещали жениху видеть царевну до свадьбы, но Ксения подсматривала за женихом из укрытия и была очарована им, как и многие придворные. Дело могло устроиться ко всеобщей радости, но в 1602 году незадолго до венчания Иоганн скончался в Москве от внезапной болезни. Ксения болезненно приняла новость, вероятно, именно этот момент биографии царевны Пушкин обыгрывает в трагедии, хотя девушка упоминает о могилке жениха на чужой сторонке, а не в Москве, остальное сходится: «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать» [Пушкин, 1960, с. 242].

Флавия у Хераскова также скорбит, тяжело переживая утрату возлюбленного:

Неотвратимая пришла ко мне беда,
Увы! любезного лишаюсь навсегда

[Херасков, 1786, с. 179].

Ксению Шуйскую, Флавию и Ксению Годунову роднит условно общий исторический прототип. Конечно, Сумароков и Херасков очень далеки от исторической достоверности. Героиня трагедии Сумарокова, вероятно, не случайно носит то же имя, что и дочь Бориса Годунова: осиротевшая царевна Ксения, будучи заложницей Лжедмитрия, могла быть объектом его любовных и политических притязаний, как это происходит у Сумарокова. Дочери Василия Шуйского – Анна и Анастасия (Мария) – рождены были в браке с Екатериной Шуйской (княжной Марией Буйносовой-Ростовской) после 1608 года, причем Анна умерла в младенчестве, Анастасия же появилась на свет незадолго до свержения Василия Шуйского (прожила до 1626 года), таким образом, пересечение Лжедмитрия и дочери Шуйского – анахронизм либо авторский вымысел. Херасков также не претендует на историчность трагедии, Флавия мало соотносится с реальной Ксенией Годуновой. Пушкин, напротив, опирался на исторические сочинения, прежде всего Н. М. Карамзина, и создавал правдоподобные образы персонажей, что, однако, не умаляет некоторого сходства судеб Ксении Шуйской, Флавии и Ксении Годуновой в изображении драматургов. Девушки высокого происхождения не защищены от несчастий, каждая переживает утрату любимого: отдалить Георгия от Ксении Шуйской требует Ди-

митрий, и отец девушки просит молодых людей на время разлучиться, Пренеста высылает из столицы Борислав (и намеревается убить), жених Ксении умирает без участия Бориса. Не менее болезненна для девушек возможная гибель отца, хотя Ксения Шуйская и Флавия избегают этой участи – боярин Шуйский успешно захватывает власть, Борислава мятежники щадят, и только Ксения Годунова действительно переживает гибель родителя, но Пушкин оставляет этот момент за рамками трагедии. Любовь к добродетельному жениху, его потеря (временная – для Ксении Шуйской и Флавии, окончательная – для Ксении Годуновой) и готовность хранить ему верность в жизни и смерти, возможная или случившаяся смерть отца – схожие мотивы в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина.

Дочери Борислава и Бориса у Пушкина и Хераскова – единственные близкие главным героям женщины, действующие в трагедиях. Отчасти то же можно сказать о Ксении у Сумарокова: девушка приходится дочерью Шуйскому, но Димитрий лишь к ней испытывает подобие нежных чувств. Поведение царей в отношении Ксении Шуйской, Флавии и Ксении Годуновой дополнительно характеризует персонажи. Добиваясь руки Ксении, Димитрий руководствуется не только страстью, но и политическими мотивами: жена-римлянка не способствует укреплению его вла-

сти, брак с православной боярышней был бы более предпочтителен. Очевидно, жена царю глубоко безразлична (хотя исторический Григорий Отрепьев иначе относился к Марине Мнишек), единственный проблеск положительных эмоций у Дмитрия – отношение к Ксении:

горий Отрепьев иначе относился к Марине Мнишек), единственный проблеск положительных эмоций у Дмитрия – отношение к Ксении:

Смягчает мя любви желаемая сладость

[Сумароков, 1957, с. 442].

Чувства Дмитрия к Ксении нельзя назвать любовью: тиран желает обладания девушкой, ему нравится мучить ее, ненависть отрав-

ляет страсть до того, что Дмитрий не только готов собственноручно убить Ксению, но жаждет терзать ее душу:

О небо! Истиной ко мщению бегу,
Туза, что, жизнь отняв, терзати не могу.
Подвигнул бы теперь ад, море я и сушу
И вечно бы терзал я Ксениину душу

[Сумароков, 1957, с. 435].

В конечном итоге ни в чем, кроме нелюбви к Дмитрию, не виновная Ксения становится заместительной жертвой: тиран, не имея

возможности погубить Георгия, Шуйского и весь неверный ему народ вместе с ними, хочет заколоть девушку:

Любовница и дочь предателей моих!
Когда они спаслись, так ты умри за них!
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева

[Сумароков, 1957, с. 467]

В начале трагедии Хераскова Борислав, в целом вовсе не сентиментальный, говорит, что дочь ему

дорога, но он готов стать виновником ее несчастья:

В уныние вхожу, что дочь тому вручаю,
В ком новаго себе злодея получаю.
Но нет, хотя мне дочь моя и дорога,
Хотя Пренест ей мил, я вижу в нем врага;
Народом он любим, моей короной льстится;
Сия любовь ему в погибель обратится;
Пошлем его отсель...

[Херасков, 1786, с. 168]

Пушкинский Борис с неподдельной нежностью обращается к дочери, печалится вместе с ней, искренне

сожалеет, что не сумел устроить счастье Ксении и, кажется, многое бы отдал, чтобы все исправить:

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?..

[Пушкин, 1960, с. 242–243]

В трагедии Хераскова Борислав, опасаясь потерять власть, вредит Пренесту, вместе с тем причиняя боль дочери, о чем мало беспокоится, поскольку считает ее долгом быть признательной и покорной, чем невыгодно отличается от пушкинского Бориса и весьма походит на сумароковского Дмитрия, который также требует от окружающих, в частности Ксении, безусловной покорности царю. Пре-

нест любим народом и придворными, как симпатичен подданным Дмитрия Георгий Галицкий, к слову, хорошо был принят в Москве и Иоганн, о чем, впрочем, Пушкин умалчивает. Правитель Богемии поначалу хочет пощадить чувства дочери, высылая Пренеста, затем планирует тихо погубить конкурента и найти Флавии более достойного жениха:

Не раздражаюсь я отчаяньем твоим;
Твоя тоска мое смущенье утоляет,
Она погибель мне врагов моих являет,
Когда Пренеста нет, спокоен твой отец,
И жизни я твоей и счастья творец;
Могу я радости твои опять восставить,
И лучшего тебе супруга здесь представить,
Который будешь мне не враг, но верный друг

[Херасков, 1786, с. 213].

Упорство Флавии раздражает Борислава немногим меньше, чем упрямство Ксении злит Дмитрия у Сумарокова, от тени сочувствия не

остается и следа, правитель все более ярко проявляет качества тирана, в том числе по отношению к самому близкому человеку:

Я нежности твои из сердца изгоню,
И смерть твою для мук всегдашних отменю;
Злодейка! ты свое упрямство взненавидишь,
Ты мертва пред собой любовника увидишь,
И будешь век над ним слез токи проливать

[Херасков, 1786, с. 192].

Борислав, как и Димитрий, угрозами заставляет Флавию отречься от Пренеста, но девушка остается верна жениху, хотя никак не зло-

умышляет против отца. И все же правитель видит в дочери врага, обрекая себя на полное одиночество:

Нигде не слыхано коварство таковое,
Не помнят здесь ни дружбы, ни родства!
Ни правил честности, ни правил естества!
В какия пропасти ввергал мя рок ужасный.
Мне дочь злодействует! увы отец несчастный!

[Херасков, 1786, с. 204]

Окончательно предаваясь подозрительности и жестокости, Борислав, опять же подобно сумароковскому Димитрию, являет себя деспотом, близким к безумию, велит рубить дочь-преступницу мечами. Пушкинский Борис, напротив, именно в семье находит отраду, оттого и переживает боль дочери как свою. Однако общим местом в трагедиях является мотив участия отца в устра-

нении неугодного жениха дочери (притворного – у Сумарокова, действительного – у Хераскова и мнимого – у Пушкина). Молва приписывает Борису вину в гибели жениха Ксении; Пушкин не оговаривает, в чем заключался предположительный мотив Бориса, но попробуем допустить, что жених мог быть якобы неугоден как потенциальный претендент на корону:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком –
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..

[Пушкин, 1960, с. 226]

В трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина боярышня и царевны становятся свидетельницами мятежа, направленного против правителя, а значит, могут стать его жертвами. В «Димитрии

Самозванце» о мятеже речь заходит уже в первом действии: Пармен, пока еще верный царю, пытается увещевать его и предупреждает о последствиях жестокого, бесчестного правления:

Во тревоженное вдаешься, царь, ты море,
А тщи учредить Москве и россам горе,
Готовишь ты себе несчастливый конец;
Колеблется твой трон, с главы падет венец

[Сумароков, 1957, с. 430].

Димитрий видит причину мятежа в Шуйском, которого надеется усмирить тем или иным способом:

Мятеж – от Шуйского. В лице его то зрю.
Когда во друга я врага не претворю,
В сей день пожрет его, пожрет земли утроба,
Отверзу и ему и Ксении дверь гроба
[Сумароков, 1957, с. 432].

Однако итог предсказуем – заговоришь во дворец, чтобы положить
воршички во главе с Шуйским вры- конец бесчинствам Димитрия:

Весь Кремль народом полн, дом царский окружен,
И гнев во всех сердцах против тебя зажжен.
Вся стража сорвана, остались мы едины
[Сумароков, 1957, с. 466].

У Хераскова недовольство народа силой пробиваются в царские пала-
да назревает постепенно, и чем ме- ты, намереваясь лишить тирана
нее адекватным становится Бори- власти. Мятеж в трагедии Хераско-
слав, тем больше ополчаются про- ва описан практически так же, как у
тив него подданные. Восставшие Сумарокова:

Везде смятение, пылает весь дворец;
Увы! Пренест, увы! приходит твой конец;
Все стражи прочь текут, какое приключение!
Мне вопли слышатся и ратно ополченье
[Херасков, 1786, с. 211].

В «Борисе Годунове» причиной мятежа становится не столько тво-
римое царем беззаконие, сколько о назревающем восстании, но уми-
интриги бояр, предрассудки народа рает, не успев его подавить, а жерт-
и неудачное стечение обстоятель- вой мятежников становится семья
ств – природные бедствия, привед- Годунова. Картина мятежа у Пуш-
шие к голоду, а также появление кина схожа с таковой у Сумарокова
и Хераскова:

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!
[Пушкин, 1960, с. 296]

Однако если Ксении Шуйской и напротив, те спасают девушек от
Флавии мятежники не угрожают, разъяренных правителей, жаждущих

*Эволюция образа высокородной девицы в русской трагедии:
от Сумарокова к Пушкину*

крови, то царевна у Пушкина претерпевает народный гнев, правда, это остается вне текста. О судьбе Ксении поэт ничего не говорит, но молчание красноречиво: после смерти Бориса царевна пережила казнь матери Марии Григорьевны и брата Феодора, оказалась бесправной сиротой, заложницей (возможной невестой или любовницей) Лжедмитрия, а затем, высланная в Белозерский монастырь, приняла постриг (позже перевезена в Успенский Княгинин монастырь, наконец обосновалась в Подсосенском монастыре неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, где перезахоронили ее родных). Уже инокиня Ольга (Ксения Годунова) наблюдала за событиями Смуты.

Заключение

Ксения Шуйская и две царевны – Флавия и Ксения Годунова – отчасти схожи судьбой и характером. Каждая верна отцу и жениху (или его памяти), непритворно любит обоих, имеет сильную волю – достойно переносит утрату избранника и переживает мятеж. Образы девушек имеют в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина общую функцию: героини способствуют более полному раскрытию образов Дмитрия, Борислава и Бо-

риса. Дмитрий в своих чувствах к Ксении являет себя человеконенавистником, обделенным способностью любить и радоваться чему-либо, кроме чужих страданий. По тому, как меняется отношение Борислава ко Флавии, прослеживаются его метаморфозы от «тирана умеренного», не лишённого положительных качеств, в частности сочувствия, к одинокому, ожесточившемуся полубезумцу, одержимому властью и идеей всеобщего предательства. Борис, напротив, несмотря на обвинения в убийстве царевича Дмитрия и в расправе с иными неугодными, в эпизоде с Ксенией предстает любящим отцом и хорошим семьянином, не тираном, а несчастливым человеком со сложной судьбой, отчего образ царя приобретает неоднозначность и многогранность. Пересечение трагедий Сумарокова, Хераскова и Пушкина на схожие темы позволяет говорить о заложенной драматургами XVIII века литературной традиции в изображении персонажей, в том числе женских, которой отчасти следовал, одновременно перерабатывая и по-новому обыгрывая каноны, А. С. Пушкин.

Библиографический список

1. Батюшков Ф. Д. Пушкин и Расин: («Борис Годунов» и «Athalie»). Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 34 с.
2. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826) . Москва–Ленинград : Наука, 1950. 724 с.
3. Винокур Г. О. Собрание трудов / ред. Г. Н. Шелогурова, И. В. Пешков. [Т. 3]: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. Москва : Лабиринт, 1999. 414 с.
4. Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 360 с.

5. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, а где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральныя представления. Санкт-Петербург, 1787. 166 с.
6. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А. В. Западова. Ленинград : Советский писатель, 1961. С. 5–56.
7. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века / ред. Ю. К. Герасимов, Л. М. Лотман, Ф. Я. Прийма. Ленинград : Наука, 1982. 532 с.
8. Карамзин Н. М. История государства российского [В 12 т.]. Т. X. Санкт-Петербург : В типографии Н. Греча, 1824. 460 с.
9. Коровин В. И. Пушкин и Карамзин (К истолкованию трагедии «Борис Годунов») // Коровин В. И. Статьи о русской литературе. Москва, 2002. С. 43–147.
10. Коровин В. И. Размышления Пушкина о русской и западноевропейской истории как фон «Бориса Годунова» // Филологические науки. 1995. № 5–6. С. 14–28.
11. Кулакова Л. И. Херасков // История русской литературы: [В 10 т.] Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. С. 320–341.
12. Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. С. 129–359.
13. Пастушенко Л. М. Драматургия М. М. Хераскова. Ленинград, 1974. 118 с.
14. Пушкин А. С. Борис Годунов // А. С. Пушкин. Собрание сочинений: [В 10 т.] Т. 4./ Под общ. ред. Д. Д. Благого и др.; Послесл. Д. Д. Благого. Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1960. С. 201–298.
15. Семенова А. В. К вопросу о литературном фоне “Бориса Годунова” А. С. Пушкина (трагедия М. М. Хераскова “Борислав”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 81. № 2. 2022. С. 54–59.
16. Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Ленинград : Наука, 1969. Т. IV. С. 118–149.
17. Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 349 с.
18. Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Ленинград : Советский писатель, 1957. С. 425–470. (Библиотека поэта; Второе издание).
19. Филонов А. Г. Борис Годунов А. С. Пушкина: Опыт разбора со стороны исторической и эстетической / [Соч.] Андрея Филонова. Санкт-Петербург : Тип. Глазунова, 1899. 175 с.
20. Херасков М. М. Борислав // Российский феатр, Или полное собрание всех российских феатральных сочинений. Ч. 4. Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1786. С. 165–222.
21. Херасков М. М. Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. Ч. 4. [Трагедии: Венецианская монахиня; Пламена; Мартезия и Фалестра; Борислав; Идолопоклонники, или Горислава]. Москва : Унив. тип. У Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. 436 с.

Reference list

1. Batjushkov F.D. Pushkin i Rasin: («Boris Godunov» i «Athalie» = Pushkin and Racine: («Boris Godunov» and «Athalie.») Sankt-Peterburg : tip. M. M. Stasjulevicha, 1900. 34 s.
2. Blagoj D.D. Tvorcheskij put' Pushkina (1813–1826) = Pushkin's creative way (1813–1826). Moskva–Leningrad : Nauka, 1950. 724 s.
3. Vinokur G.O. Sobranie trudov = Collected works / red. G. N. Shelogurova, I. V. Peshkov. [T. 3]: Kommentarii k «Borisu Godunovu» A. S. Pushkina. Moskva : Labirint, 1999. S. 414 s.
4. Gorodeckij B.P. Dramaturgija Pushkina = Pushkin's dramaturgy. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 360 s.
5. Dramaticheskij slovar', ili Pokazaniya po alfavitu vseh rossijskikh teatral'nyh sochinenij i perevodov, s oznacheniem imen izvestnyh sochinitelej, perevodchikov i slagatelej muzyki, kotoryja kogda byli predstavleny na teatrah, a gde, i v kotoroe vremja napechatany. V pol'zu ljubjashchih teatral'nyja predstavlenija = Drama dictionary, or an alphabetical account of all Russian theatrical works and translations, with the names of famous authors, translators and composers of music, when they were presented at the theaters, and where and at what time they were printed. For the benefit of those who love theatrical performances. Sankt-Peterburg, 1787. 166 s.
6. Zapadov A. V. Tvorchestvo Heraskova = Kheraskov's work // Heraskov M. M. Izbrannye proizvedenija / Vstup. st., podg. teksta i prim. A. V. Zapadova. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1961. S. 5–56.
7. Istorija russkoj dramaturgii. XVII – pervaja polovina XIX veka = History of Russian dramaturgy. XVII – the first half of the XIX century / red. Ju. K. Gerasimov, L. M. Lotman, F. Ja. Prijma. Leningrad : Nauka, 1982. 532 s.
8. Karamzin N. M. Istorija gosudarstva rossijskogo [V 12 t.]. T. X = History of the Russian State [In 12 vols.] VOL. X. Sankt-Peterburg : V tipografii N. Grecha, 1824. 460 s.
9. Korovin V. I. Pushkin i Karamzin (K istolkovaniju tragedii «Boris Godunov») = Pushkin and Karamzin (Toward interpreting the tragedy «Boris Godunov») // Korovin V. I. Stat'i o russkoj literature. Moskva , 2002. S. 43–147.
10. Korovin V. I. Razmyshlenija Pushkina o russkoj i zapadnoevropejskoj istorii kak fon «Borisa Godunova» = Pushkin's reflections on Russian and Western European history as a background for «Boris Godunov» // Filologicheskie nauki. 1995. № 5–6. S. 14–28.
11. Kulakova L. I. Heraskov = Kheraskov // Istorija russkoj literatury: [V 10 t.] T. 4: Literatura XVIII veka. Ch. 2. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1947. S. 320–341.
12. Lotman L. M. Istoriko-literaturnyj kommentarij = Historical and literary commentary // Pushkin A. S. Boris Godunov. Sankt-Peterburg : Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij Proekt», 1996. S. 129–359.
13. Pastushenko L. M. Dramaturgija M. M. Heraskova = M. M. Kheraskov's dramaturgy. Leningrad, 1974. 118 s.
14. Pushkin A. S. Boris Godunov = Boris Godunov // A. S. Pushkin. Sobranie sochinenij: [V 10 t.] T. 4 / Pod obshh. red. D. D. Blagogo i dr.; Poslesl. D. D. Blagogo. Moskva : Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1960. S. 201–298.

15. Semenova A. V. K voprosu o literaturnom fone "Borisa Godunova" A. S. Pushkina (tragedija M. M. Heraskova "Borislav") = Towards the literary background of "Boris Godunov" by A. S. Pushkin (M. M. Kheraskov's tragedy "Borislav") // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. T. 81. № 2. 2022. S. 54–59.
16. Serman I. Z. Pushkin i russkaja istoricheskaja drama 1830-h godov = Pushkin and Russian historical drama of the 1830s // Pushkin. Issledovanija i materialy. Leningrad : Nauka, 1969. T. IV. S. 118–149.
17. Stennik Ju. V. Pushkin i russkaja literatura XVIII veka = Pushkin and Russian literature of the 18th century. Sankt-Peterburg : Nauka, 1995. 349 s.
18. Sumarokov A. P. Dimitrij Samozvanec = Demetrius the Impostor // A.P.Sumarokov. Izbrannye proizvedenija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1957. S. 425–470. (Biblioteka pojeta; Vtoroe izdanie).
19. Filonov A. G. Boris Godunov A. S. Pushkina: Opyt razbora so storony istoricheskoi i jesteticheskoi = A. S. Pushkin's Boris Godunov: An attempt of analysis from the historical and aesthetic point of view / [Soch.] Andreja Filonova. Sankt-Peterburg : Tip. Glazunova, 1899. 175 s.
20. Heraskov M. M. Borislav = Borislav // Rossijskij featr, Ili polnoe sobranie vsech rossijskich featral'nyh sochinenij. Ch. 4. Sankt-Peterburg : Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1786. S. 165–222.
21. Heraskov M. M. Tvorenija, vnov' ispravlennye i dopolnennye: [V 12 ch.]. Ch. 4. [Tragedii: Venecianskaja monahinja; Plamena; Martezija i Falestra; Borislav; Idolopoklonniki, ili Gorislava] = Works, newly corrected and supplemented: [In 12 parts]. Part 4. [Tragedies: The Venetian Nun; Plamena; Martezia and Falestra; Borislav; Idolaters, or Gorislava]. Moskva : Univ. tip. U Hr. Ridigera i Hr. Klaudija, 1798. 436 s.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025